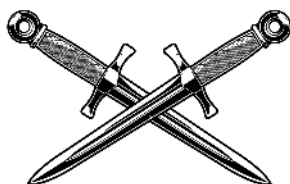

ЦИКЛ ЗЕМНОЙ КРУГ

Первый Закон:

Кровь и железо
Прежде чем их повесят
Последний довод королей

Лучше подавать холодным
Герои
Красная страна
Острые края

*Посвящается Тедди и Клинту Иствуду,
но поскольку Клинту, вероятнее всего, на это наплевать,
то в большей степени посвящается Тедди.*

НЕПРИЯТНОСТИ

Как можно судить о человеке по ножнам и рукояти?
Вдруг внутри прячется отличный клинок?

Джедайя Морган Грант

Самый трусливый трус

— Золото... — Вист произнес это так, будто разгадал сложнейшую загадку. — Оно сводит людей с ума.
— Тех, кто раньше не спятил, — кивнула Шай.

Они сидели перед «Мясным домом Стапфера», который, несмотря на название, навевающее мысли о борделе, был самым дрянным трактиром на пятьдесят миль вокруг. И эту репутацию заведение выиграло в жесткой борьбе. Шай расположилась на мешках в фургоне, а Вист уместился на заборе, и казалось, что он торчит там вечно, наколовшись задницей на какой-то сучок. Сидели и созерцали толпу.

— Я приехал сюда, чтобы быть подальше от людей, — заметил Вист.

— Ну и погляди теперь на это, — ответила Шай.

Прошлым летом любой мог бы бродить целый день по городу и не встретить двух незнакомцев. А иногда можно было вообще не встретить в городе двух человек. Многое может измениться за несколько месяцев с начала золотой лихорадки. Сейчас Сквордил трещал по швам от множества отважных первопроходцев. Дорога в один конец, на запад, к мнимому богатству. Кто-то проходил ее быстро, в суете и спешке, другие задерживались, внося собственную лепту в стяжательство и неразбериху. Стучали колеса фургонов, ревели мулы и ржали кони, мычали коровы и волы. Мужчины, женщины и дети всех рас и сословий только добавляли крика и шума, каждый на своем языке и со своим нравом. Все это могло бы стать весьма красоч-

ным зрелищем, если бы белесая пыль не приглушала все краски до равномерного грязно-серого цвета.

— Бесконечное разнообразие, не так ли? — Вист шумно от хлебнул прямо из горлышка.

— И каждый хочет получить все из ничего, — согласилась Шай.

Всех охватила безумная надежда. Или жадность, в зависимости от веры наблюдателя в человечество, а что касается Шай, то этой веры у нее не набралось бы и на ноготь мизинца. Всех пьянила мечта добраться до какого-нибудь замерзшего водоема там, в великой пустоши, и загребать новую жизнь двумя руками. Они оставляли свою надоевшую сущность на берегу, будто сброшенную кожу, и устремлялись к счастью кратчайшей дорогой.

— Не тянет присоединиться? — подначил Вист.

Шай потрогала языком передние зубы и сплюнула через щель между ними.

— Только не я.

Если им и удастся пересечь Дальнюю страну и не сдохнуть, то всю зиму они просидят задницами в ледяной воде и не нароют ничегошеньки, кроме грязи. А даже и блеснет самородок под твоим заступом, что тогда? У разбогатевших жизнь тоже не мед.

Когда-то Шай тоже казалось, что она сумеет добыть все из ничего. Сбросить кожу и с улыбкой уйти. Но, как выяснилось, кратчайший путь редко ведет к исполнению мечты, а гораздо чаще заводит вас в дебри залитых кровью земель.

— Это только от слухов про золото им башни снесло. — Вист сделал второй глоток, дернув кадыком, и посмотрел на двух будущих старателей, которые сцепились за право обладать последней киркой в лавке, в то время как торговец прилагал кучу усилий, чтобы разнять их. — Представь себе, что устроят эти ублюдки, если один из них найдет самородок.

Но Шай не требовалось напрягать воображение. Она видела когда-то подобное и не слишком радовалась воспоминаниям.

— Мужчинам нужна самая малость, чтобы озвереть.

— А женщинам нет? — поинтересовался Вист.

— А чего это ты вылупил на меня?

— Я подумал о тебе в первую очередь.

- Не уверена, что мечтаю быть в твоих мыслях.
- Вист расхохотался, показав гнилые зубы, и вручил ей бутылку.
- Почему ты до сих пор без мужика, Шай?
- Наверное, я не в восторге от них.
- Тебе никто из них не нравится?
- Они первые начали.
- Все?
- Многие из них.

Шай взяла бутылку за горлышко, хорошенько протерла его и заставила себя сделать всего один маленький глоток. Слишком хорошо она знала, как маленький глоток превращается в большой, большой в бутылку, а бутылка в пробуждение с одной ногой в воняющем мочой ручье. Есть люди, которые расчитывают на нее, и она уже устала их разочаровывать.

Драчунов растащили, но они продолжали обмениваться оскорблениями на разных языках, не вникая в подробности брани, но улавливая общую суть. В суете кирка исчезла, по всей видимости, угодив в руки более предприимчивому проходимцу, который воспользовался тем, что другие отвлеклись.

— Да, золото способно сводить людей с ума, — пробормотал Вист задумчиво, за что и получил прозвище. — Но если бы земля разверзлась передо мной, не думаю, что отказался бы от хорошего самородка.

Шай размышляла о ферме, о неотложных делах и о времени, потраченном впустую вместо полезной работы, потирая сбитыми большими пальцами обкусанные средние. На краткий миг путешествие через холмы не показалось таким уж дурацким. В конце-то концов, а вдруг там и впрямь есть золото? Обильно рассеянное в долине какой-нибудь реки сокровище ждет лишь прикосновения ее зудящих кончиков пальцев. Шай Соут, самая везучая женщина в Ближней стране...

— Ха! — Она отогнала мысль, словно надоедливую муху. Несбыточные надежды — роскошь, которую Шай не могла себе позволить. — Исходя из моего опыта, земля не торопится делиться богатством. Во всяком случае, не больше чем любые другие скупердяи.

- Его у тебя хватает, да?
- Чего?

— Опыта.

Она моргнула, а потом вернула бутылку.

— Больше, чем ты можешь вообразить, старина.

И уж наверняка больше, чем у многих путешественников, черт их возьми, уж в этом Шай не сомневалась. Она покачала головой, созерцая очередную толпу приезжих — какие-то важные шишки из Союза, разодетые скорее для веселой прогулки, чем для долгого путешествия через сотни миль пустошей, где царит беззаконие. Казалось бы, живи и радуйся роскошной жизни, но нет же — они почему-то погнались за призрачной надеждой на большее. Шай задавалась лишь одним вопросом: как скоро они приковывают обратно, разбитые и сломленные. Это если сумеют вернуться.

— А где Галли? — спросил Вист.

— Остался на ферме. Приглядывает за моими братом и сестрой.

— Давненько его не видал.

— А он давно не выбирался в город. Говорит, кости ломит в седле.

— Старость не радость. Никто из нас не молодеет. Увидишь его, передай, что я скучаю.

— Если бы он был сейчас здесь, то осушил бы твою бутылку в один глоток и ты проклял бы его имя.

— Да запросто, — вздохнул Вист. — Так обычно и бывает с теми, по ком скучаешь.

В это время Кроткий форсировал вброд людской поток, запрудивший улицу. Его седые патлы возвышались над толпой, несмотря на привычную сутулость. И выглядел он куда более жалким, чем всегда.

— Сколько тебе дали? — спросила Шай, спрыгивая с фургона. Кроткий вздрогнул, поскольку знал, что будет дальше.

— Двадцать семь... — Его рокочущий голос дрогнул на последнем слове, превращая высказывание в вопрос. Будто на самом деле он хотел спросить: «Насколько сильно я облажался?»

Шай покачала головой и, надавив языком на щеку, показала ему, что он в шаге от того, чтобы полностью обгадиться.

— Ты — самый трусливый трус, Кроткий! — Она стукнула кулаком по мешку, поднимая облако пыли. — Я два дня перлась сюда не для того, чтобы отдать все задаром!

Он передернулся еще сильнее, скривив обрамленное седой бородой лицо — переплетение застарелых шрамов и морщин, обветренных и покрытых дорожной пылью.

— Я не умею торговаться, Шай, ты же знаешь...

— Напомни, будь добр, что ты умеешь? — бросила она через плечо, уже шагая в лавку Клэя. Дала пробежать мимо стаду пятнистых, отчаянно мекающих коз и пошла дальше. — Ну, разве что мешки таскать...

— Это уже что-то, правда? — пробормотал Кроткий.

В лавке толклось еще больше людей, чем на улице. Здесь пахло пряностями, свежераспиленными досками и потными телами. Шай пришлось протиснуться между приказчиком и черномазым южанином, балаболившим на наречии, которое она слышала впервые, потом обогнула ряд стиральных досок, свисавших с низких стропил, зацепив их случайно локтем, и наконец мимо угрюмого духолода, из чьих рыжих волос торчали ветки с остатками пожухлой листвы. Все эти люди стремились на запад, мечтали разбогатеть, но горе тому, кто попытался бы встать между Шай и ее прибылью.

— Клэй! — выкрикнула она. Шепотом здесь ничего не достигнешь. — Клэй!

Торговец, взвешивавший муку на весах высотой в человеческий рост, нахмурился.

— Шай Соут в Сквордиле! Не самый удачный у меня сегодня денек...

— Оглядишься по сторонам. Вокруг полным полно болванов, которых тебе еще предстоит обсчитать! — На последнее, довольно громко произнесенное слово обернулись несколько голов.

— Никто никого не обманывает. — Клэй уперся здоровенными кулаками в бока.

— Возможно. Но мне надо поболтать с тобой наедине.

— Шай, мы с твоим отцом сошлись на двадцати семи...

— Ты прекрасно знаешь — он мне не отец. И прекрасно знаешь — хрена лысого сделка состоится, пока я не соглашусь.

Приподняв бровь, Клэй глянул на Кроткого, но северянин смотрел под ноги, тихонечко смещаясь в сторону, будто норвил скрыться с глаз. Несмотря на могучее сложение, Кроткий

слабовольно отводил глаза, лишь стоило кому-то глянуть в его сторону. Он отличался мягким нравом и не чурался тяжелой работы, честно заменял Питу и Ро отца, да и Шай тоже, когда она это позволяла. В общем-то неплохой человек, но, черт побери, он был самым трусливым трусом.

Шай стыдилась за него и стыдилась из-за него, а потому злилась.

Она ткнула пальцем в лицо Клэя, словно обнаженным кинжалом, который она, не задумываясь, пустила бы в ход.

— Сквордил — это не тот город, где так ведут дела! Прошлым летом я получила двадцать восемь, а тогда у тебя не было и четверти нынешних покупателей. Я хочу тридцать восемь!

— Что? — Клэй возмущился громче, чем она предполагала. — У тебя золотое зерно, да?

— Да! Наилучшего качества. Намолоченное моими собственными руками, сбитыми до кровавых волдырей.

— И моими, — пробурчал Кроткий.

— Замолчи! — отрезала Шай. — Я требую тридцать восемь и не уступлю ни монетки!

— Вот только не надо меня пугать! — Жирное лицо Клэя сморщилось от гнева. — Только из любви к твоей матери я могу дать двадцать девять.

— Ты никогда никого не любил, кроме своего кошелька. Если ты предложишь меньше тридцати восьми, то устроюсь рядом с твоей лавкой и начну торговать дешевле, чем ты можешь себе позволить.

Клэй не сомневался, что Шай исполнит угрозу, даже себе в убыток. Как говорится, никогда не угрожай другому, если хотя бы наполовину не уверен, что в силах выполнить обещанное.

— Тридцать один, — предложил он.

— Тридцать пять.

— Ты отнимаешь время у всех этих добрых людей, самовлюбленная сука.

Или она просто подсказывала этим хорошим людям, насколько их дураят в этой лавке. И рано или поздно до них дойдет.

— Это отбросы общества, и я буду их задерживать хоть до пришествия Иувина из страны мертвых, а это значит — тридцать пять.

— Тридцать два.

— Тридцать пять.

— Тридцать три, и, уходя, можешь дотла сжечь мою лавку!

— Не искушай меня, толстяк. Тридцать три, и добавь еще пару заступов поновее и немного корма для моих волов. Они жрут почти столько же, сколько и ты.

Шай плюнула на ладонь и протянула ее лавочнику.

Клэй горько скривил рот, но тоже плюнул на ладонь, и они скрепили сделку рукопожатием.

— Твоя мать была не лучше, — бросил он.

— Терпеть ее не могла, — ответила Шай, локтями пробивая дорогу к выходу, а Клэй остался вымещать бессильную злость на следующем покупателе.

— Ну что, очень трудно, да? — через плечо спросила она Кроткого.

Старый здоровяк-северянин тербил мочку уха.

— Боюсь, я сдался бы на двадцати семи.

— Это потому, что ты проклятый трус. Лучше совершить поступок, чем жить, боясь его. Разве не это ты мне всегда говорил?

— Со временем я понял опрометчивость такого совета, — пробормотал Кроткий себе под нос, но Шай, празднующая победу, не расслышала его.

Тридцать три — отличная цена. Шай уже посчитала в уме, что после того, как они починят прохудившуюся крышу амбара и купят пару свиней на замену зарезанным зимой, останется даже на книги для Ро. А возможно, они смогут выкроить немного денег на семена капусты и посеять их на огороде позади дома. Она улыбнулась, прикидывая, сколько всего можно построить нового и починить старого благодаря вырученным деньгам.

«К чему нужна большая мечта? — говорила ей мать, когда изредка бывала в хорошем настроении. — Хватит с нас и маленькой».

— Давай-ка начнем таскать мешки, — сказала она.

Может, Кроткий и достиг преклонного возраста, стал медлительным, как старая любимая корова, но силу сохранил. Не нашлось еще той тяжести, что могла бы согнуть этого человека. Все, что оставалось Шай, — стоять на фургоне и один за другим